

Сандрo Мокша

П О П - С И Н Е М А

и другие стихотворения

ПОП-КИНЕМА

Пыльно, пейзажно и выпухло
зыбится

сцена немая,
кисленький вид: гипсовый мальчик
с плеткой силится
тень с пьестала сбить.

Постно на улице.
Только скрипнет коряво калитка, —
и кто-то кудрявый входит со скрипкой,
грузин горбун в лад подбивает ему;
кличет Герасим Муму,

в хутор въезжает коляска,
пудель в небесного цвета "Аляске"
лязгнул зубами; слуга
сыр подает госпоже с кофе в постель, —
долго вы, лодыри, спите; теперь
к ним в дортуар падает бондарь, — спасите!
а в дополнение к крику стервозный балет:
дедка пльвет, девка блует, дяденька мнет на ней
дорогой туалет.

Руль из рук сатаны вырвали придурки без головы
рубль юбилейный белеет на травке
у полонницы древний Полкан таякнул, и мухи
тучей художественно обсели скелет
в яблочном пьяном снегу
жиган с тросточкой пукнул сдавленно
и — ни гугу!
сам в синяках искони — кисанька, надо терпеть
блатную кислятину впредь...

Будет вам, внуки борзые, с канистрой
за пивом ходить и, карниз подпирая,
швыряться в козла желтой костью
зля нежданную гостью с косой
Бессой гробовщик обмеривает мегеру в шелках

кашмирских...

Кошмар разлетается в клочья, —
и часовня удобрена свежим прахом.
— Мне идеалов вчерашних не жалко.
Хозяйка, стели одеяло: дело близится к ночи.
В общем — скука дьявольская — окоченел я...

✱ ✱ ✱

Огни забвения за красною чертой
гони с любовью, просто, без боязни,
изнемогая от слепней,
прозревший в слепоте оглохший
от динамитных
взрывов...

И стихию победив, он сину
выгнул гордо,
речной прохладе страстный пыл отдал,
в оправу черные круги выправляя
живой воды, где в жертву богу
барашка заколол и цветы оставил
на кладбище — трефовый король
без головы... захочет, — снова вырастет
как раньше, но страшней...

Коран достанет распластавшийся афганец,
и солнце уплывет за кособор.

В ПРОСТРАНЬИ

Тезо выпало из дряблых рук.
В аккурат географии факта
загремит барабанная правда,
словом "бунт" оглушая нору...

И захныкала куколка тут.
Эластично на шестажерке
энергичные гипсы растут
инженерией неженки жарких

ниже н~~е~~ог оголтелая мга
моложавого ангажемента
нашел дело Егорий Шельменко
В маяте целый день на ногах.

Шестиног много торфа жрет, —
а ведь он совершенный ребенок.
В заливных голосах изощрен
и орет, как два батальона...
В бабу Лену как-будто влюблен.

Ножки косо он ставит — пират —
и кривит рот императорски-флегматично...
Пирамидка дымит симпатичная
папирсочкой... Вот он и рад.

По пурге казачком ковыляет,
распевая любимые арии...
Хорошо армянином быть в армии,
жопой жирной, широкой виляя.

В синяках весь бедняжка, товарищи.
И отец не отмоет никак
ноготки никотиновые,
на которых накинута варежка.

БЕЗУСЛОВНОСТЬ СООТНОШЕНИЙ

На шарике шайка бушует ~~шашенная~~ большая.
За столиком тесно семейка сидит.
А девочка хвостиком чистая машет.
Поехал на Пасху с художником псих.

Он шерсть на хребтине завил посильнее,
идейно взрослея, сел в лимузин...
Пишу на пустынном отрывке бумаги:
"Цветущий сосед в лопухи убегал. —
Кисть пышет, —
а Фландрия спит совершенно спокойно..."

Гнедая лошадка идет себе мимо.
Молодка катается в лодке, глядит,
как истово басом поет протодьякон,
и дьявольский дым кольца вьет в бороде.

Дрожит в листьях пташечка — божия птичка.
В бараке короткая комната есть, —
и там, на конце теплоты католичка,
очнувшись, смахнула слезу рукавом...

Раздумие. Стенка. Слепой телевизор
беспечный в убранстве промытых цветов.
Вычерпывать словно кисель иллюзорный
писатель усатый хотел в голове.

ФАНТАЗМОСКОНИЯ

Каменный фонарь у храма
в камерной симфонии цветов.
Там усталый, старый сифилитик замер,
водкою промытыми глазами
выпученно смотрит на людей...
Лютики цветут на поле брани,
где дерется на киноэкране
полк отважных,
в сапогах выхаживает кот важно...
И, уткнувшись в шахматный словарь,
засыпает пьяный пономарь...
Ливень поливает крыши: понимаешь;
а в другом квадрате мчится лыжный кросс.
В признанной столице красных роз
воевода знамя поднимает,
варевом котел загружен; в паровозе
пламя полыхает...
В беспокойной памяти взорвался эпизод:
как торпеду
истребитель направляет на таран
Виктор Талалихин...
Стогны строит Петр Великий.
Питер Брейгель дикий

шлепает под дождичком по шпалам
мимо лассилок сонных,
мясных лавок,
ставок

беспровзванных королей...
Подожди: еще с весны валютчик
из Сибири с каторги бежал.
Шелестели рощи золотые,
на болоте бегемот дрожал...
Дядя Ген, забросив в кузов Жучку,
сел и сам, сильней нажал на ручку
и с блондинистым поручиком
покатил на костюмированный бал.

Уносило сошку
на постель к звезде.
Звякнула гармошка
в мокрой борозде.

Дрозд другой явился,
свил семье гнездо.
Кнедлик провалился,
после зяблик сдох.

Хоботанью выюшка
внемлет, льется глот.
Глуный, взбей подушку, —
кушка вспрыгнет, грянет гор.

Господи, поди-ка,
дикой кисти град крести.
Радуется в играх
грешник... Ты прости

чистое, прямое —
в душах мужиков
ковшиками смоз
смех с боков быков.

Кофта. Псковский посох.
Скоро пропадут...
Вдох — товарищ с носом:
штучный щавель тут.

Метится в кастрюлю
Мясо — "у-лю-лю"
Любишь юшку, шу ли
ясную маню.

Снится ли дорога;
горбится ли рысь —
всё открыто богу
гусю образ ввысь.

Ночи остается
всего два рубля.
Бедный медник обьется
в баснях, с ним в стук я.

В ковше седая лодка
сидит, ломая лед
сердитая молодка
штурвалом слов её ведет.

Медведи, ведь как дети
хотят на лед смотреть.
На веслах тих, как лепет
несется ~~ввысь~~ звездолет

к созвездиям печали,
к причалам тишины.
Разбег — тот бог начала —
дробит припев на три.

отдельные лазейки,
скользящие по льду планет.
И душу кружат змейки...
Кто смеет молвить "нет"?

Ароматны ноне храмы.
Лепестки душистых роз
Огранили шей паннам,
А гранит ранет унес.

Храмы манят и дурманят,
Открывая пасти врат;
Лик святителя туманит
Дым — кадильный чаши брат.

Он годится для причастья;
Он крадется за алтарь.
И молит о тихом счастье
Отощавший золотарь.

Вспененной песней пенсне по весне
В сени смятенно влетело.
В сене ли слышал невнятиво смех,
В центре упругого тела?

Нет с ней веселья. Все я закуты
Райского выгона вызнал.
Смуту сарая теснят мои сны;
Омут их — мужеству вызов.

Страшно ощерился лес вдалеке,
Булькнув болотами глухо...
Чертик под бочку полез в кабаке,
И на кресте села муха.

Муж, с ней усни — феей синей, — сильней
Выжми из недр ее соки
И замирай от лобзания с ней
В шорах озерной осоки.

....